

Поэтому в их обмене словами он сказал, что Сяо Фэн Ву даже не сравним с камнями, вымощенными под туалетом. По крайней мере, когда другие переживают эту огромную перемену, они бы плакали, но он был еще лучше, каждый день ходил в поисках досуга и развлечений и не выказывал ни малейшего сожаления или перемены.

Видя, что больше смотреть не на что, толпа начала расходиться.

Дама с замужней прической вышла из косметического магазина со своими слугами, ее длинный халат касался земли, когда она шла. Изящная фигура, достойная созерцания, она подошла к Тан Шэ Цзян и сказала:

“Фу-джун¹⁷, я уже выбрала свой макияж. Давайте отправимся домой.”

Только после того, как Сюй Чен Би сказала это, она заметила Сяо Фэн Ву рядом с ними. Она думала, что в это время он, должно быть, изможден и бледен, подавлен и подавлен, но для него не было никакой разницы – все тот же образ неприкасаемого, захватывающего сердце богатого сына из уважаемой семьи.

Сяо Фэн Ву улыбнулся и сказал:

“Тонг Фу-рен¹⁸, ты хорошо себя чувствовал в последнее время?”

Сюй Чен Би чуть не сломала зубы из-за того, что слишком сильно их стиснула. Она холодно посмотрела на него:

“Как бы ужасно это ни было, сейчас мне лучше. Думая об этом, это, должно быть, были небеса, освещающие мне путь, чтобы я не ждал всю жизнь бесполезного человека! Шестнадцатому Мастеру следует больше беспокоиться о себе!”

Тан Шэ Цзян очень боялся, что у них все еще был какой-то контакт, и, не заботясь об их ссоре, наполненной пассивно-агрессивными насмешками с Сяо Фэн Ву, он быстро ушел с Сюй Чэн Би.

Сяо Фэн Ву снова сел, продолжая прислоняться к колонне, чтобы насладиться солнцем.

Пожилой торговец, продававший булочки с кунжутом¹⁹, взглянул на него и улыбнулся, сказав:

“Шестнадцатый Лэнг, ты ничего не ел два дня. Ты не голоден? У вашей семьи Сяо должно быть хоть какое-то богатство, так что, несмотря ни на что, по крайней мере один хороший друг придет немного помочь.”

В эти дни те, кто приходил, всегда были людьми, наслаждающимися его страданиями и несчастьями.

Услышав это, Сяо Фэн Ву прикрыл живот и слабо вздохнул. Было ли это для того, чтобы пожаловаться на голод в животе или для того, чтобы пожаловаться на то, каким неудачником он был, это было неизвестно.

Под широко раскрытым небом раскачивались ивы - признак "снегопада" Янь Чэна третьего месяца. Сяо Фэн Ву достал бумажный веер, висевший у него на поясе, и обмахнулся им, не задумываясь, как вдруг увидел множество пешеходов, бегущих куда-то, на какое-то интересное мероприятие.

Торговец булочками с кунжутом тоже начал упаковывать свой товар²⁰ и приготовился уйти и последовать за толпой. Он сказал Сяо Фэн Ву, прежде чем уйти:

"Сегодня в Sheng De Lou²¹ состоится шоу с Цинь Лао-баном. Хо-хо, какая редкая сцена для него - сниматься в шоу. Вы не можете пропустить это! Хотя у этого старика здесь нет денег, стоять снаружи и слушать его было бы совершенно нормально."

Янь Чэн недавно стал свидетелем всплеска популярности персонажа, родившегося из пьесы под названием <<Пионовый павильон >>²², которая была полна романтики и звучных красивых слов, которые песни увековечивали в сознании зрителей как минимум три дня. Пьеса была популярной и о ней говорили в городе, а главную роль сыграл Цинь Мин Юэ, Цинь Лао-бан. Хотя он лишь изредка выходил на сцену, чтобы выступить, каждый раз, когда он это делал, было зрелище, на которое стоило посмотреть, и даже более богатые и влиятельные люди были готовы бросить в него деньги.

Видя, что улица почти опустела, Сяо Фэн Ву наслаждался редкой тишиной и наслаждался ею. Как раз в это время мимо проехала крытая повозка, в которой ехали люди. Тонкая рука наполовину приподняла занавеску, идеально выровняв ее, чтобы увидеть человека, сидящего прямо у входа в чайный домик.

"Шестнадцатый Мастер, прошло много времени....."

Голос человека, сидевшего в крытом вагоне, был подобен нефритовой жемчужине, упавшей в чашу, такой четкий и чистый звук. Даже с аурой ледяного, ледяного тона, голос звучал элегантно и по высшему классу. Искренне, какой красивый голос.

Услышав этот звук, Сяо Фэн Ву немедленно открыл глаза, но этот человек уже опустил занавеску, и лица не было видно.

Прямо у чайного домика росло китайское сало, а прямо над его головой свисала толстая ветка с цветами. Сяо Фэн Ву поднял руку и отломил ветку, прежде чем бросить ее прямо на занавеску крытого экипажа. Легкий порыв ветра пронесся по его телу, и лепестки цветка полетели, как будто это был дождь.

Эта ветка была брошена с небольшой силой, и она откинула маленькую занавеску на окне

крытого вагона, прежде чем упасть прямо внутрь. Занавеска на мгновение приоткрылась, и из щели можно было увидеть неописуемую красоту пары глаз феникса 23.

Человек в экипаже, казалось, смеялся:

“Мне еще многое предстоит сделать, так что пусть мы увидимся в будущем, чтобы вспомнить о нашем прошлом”.

С этими словами ладонь этого человека сжалась и превратила цветы на ветке в кучу кашицы.

Сяо Фэн Ву почувствовал, что этот человек ему очень знаком, но он не мог вспомнить, кто именно. После секундного удивления он медленно сел обратно. Когда он поднял глаза, крытый экипаж был уже довольно далеко от него. Он перемахнул через перила, чтобы последовать за ним, следуя за ним до самого Шенг Де Лу, где он не мог пройти мимо толпы людей, заставив его остановиться.

Снаружи было выставлено множество цветочных стендов²⁴, и все они были подарены одному человеку – Цинь Мин Юэ.

Цинь Мин Юэ

Цинь Мин Юэ.....

Сяо Фэн Ву задумался над этими тремя персонажами, прежде чем, наконец, кое-что понял. Он легонько постучал нижней частью веера по ладони, и выражение его лица несколько раз изменилось, прежде чем снова стало спокойным, а в глазах загорелась легкая игривость.

Все оборудование и декорации были установлены за кулисами, и как только шоу началось, шум толпы сразу же утих. Сяо Фэн Ву не нравились такого рода шоу, все эти звуки “йе-йе-а-а”, которые, по его мнению, были слишком раздражающими для его ушей. Слушая некоторое время, он все еще не мог сказать, что он слушает, и он был гораздо более готов попросить устного рассказчика рассказать ему историю вместо этого.

Но так как ему было нечего делать, он продолжал слушать вполуха. Примерно через несколько куплетов он понял, что они поют <<Пионовый павильон>>, и это было в точке “Шелковый халат”²⁵.

“Видишь, какой глубокий пурпур, ярчайший алый

открывают свою красоту только для того, чтобы хорошо просушить крошку.

“Светлое утро. прекрасная сцена”

вялый и потерянный сердцем

— где находится сад “веселый от радостных криков”?”

“Пронизывающий рассвет, плотно свернутый в сумерках,

розовые облака обрамляют изумрудный павильон;

тонкие нити дождя, лепестки, несомые ветром,

позолоченный прогулочный катер в волнах тумана:

великолепие весны, но мусор, которым дорожат

по экрану - уединенная горничная” 26

Это звучное пение было совершенным по своим эмоциям, не прерывая ни единого мгновения даже на глоток воздуха и идеально соответствуя части сцены во фразе << Брови лениво нарисованы карандашом>> “Как завораживающе”²⁷. Это был незабываемый звук, и голос в сочетании со словами мог зацепить разум и никогда не отпускать, делая невозможным отвлечься от своих мыслей. Когда Сяо Фэн Ву услышал эти слова, его брови, которые были так туго нахмурены, расслабились, и кто знает, сколько он получил от этого удовольствия.

Оглядев толпу, он увидел довольно много дам, что только заставило Сяо Фэн Ву почувствовать, что на него попало слишком много духов. Когда он повернулся в сторону, его взгляд поприветствовала молодая леди, которая выглядела весьма привлекательно. Однако еще до того, как он заговорил, другой уже застенчиво спросил его:

“Это Сяо Фэн Ву, Сяо Гун-Цзы?”

У Шестнадцатого Мастера было хорошее лицо. Когда семья Сяо все еще была на пьедестале, те, кто хотел выйти за него замуж, могли выстраиваться в очередь от одного конца гавани до другого. Даже если бы семья Сяо рухнула на землю, там, вероятно, все еще оставались некоторые из его поклонников и преследователей. К сожалению, он был с коротким рукавом²⁸, совершенно не интересовался женщинами.

Сяо Фэн Ву улыбнулся и рассмеялся:

“Я не заслуживаю, чтобы эта леди называла меня “Гун-Цзы”. Этот я здесь уже спустился с того места, где я был раньше, не тот же человек, каким я был”.

Веер в его руке слегка задрожал, издав звук "хуа-хуа". Это был хорошо известный и дорогой "Су Фан"²⁹, его конструкция была сделана из красного сандалового дерева и вырезана в виде ветви цветущей сливы. Внутри рамы были украшены золотыми нитями, а на самих стеклах были сотни различных символов "фу". На нем были изображены не горы или вода, а красота, нарисованная известным художником Чжан Дао Цянем.

Вероятно, это была единственная ценная вещь на Сяо Фэн Ву.

Дама чуть не скосила глаза, прежде чем прикрыть улыбку носовым платком:

"Я не буду обманывать Гун-Цзы. Я тоже живу бедной и несчастной жизнью. Когда я был маленьким, мои родители рано умерли вместе, и я столкнулся со многими препятствиями и трудностями, чтобы быть в этом возрасте, не имея возможности жить так искренне и свободно, как мог".

Используя большое количество рукавов, которые у нее были, она использовала их, чтобы скрыть свои два пальца, незаметно дергающие за рукава халата Сяо Фэн Ву. Она опустила голову и сказала:

"В прошлом году, во время фестиваля Шаньюань, Гун-Цзы проплыл мимо озера Цюй Цзян на прогулочном корабле. Стоящая прямо на носу лодки, с уверенной осанкой и неограниченным будущим перед ним, эта дама вызывает величайшее восхищение....." ³⁰

<http://bllate.org/book/17367/1629039>